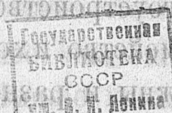
КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію, съ пересылкой и безъ пересылки, три руб. сер.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1-го марта № 5. 1867 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СЛОВО

въ день восшествія на престолъ благочестивѣйшаго Государя Императора и Самодержца всея Россіи Александра Николаевича.

Се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ!

Псал. 132, 1.

Главное условіе истиннаго благосостоянія гражданскихъ обществъ составляетъ такое согласіе между гражданами, которое соединяетъ ихъ другъ съ другомъ союзомъ членовъ живаго тѣла. Общество не есть простое собраніе людей, только живущихъ одинъ подлѣ другаго, ни одно механическое соединеніе ихъ, образуемое только внѣшнею силою. Оно не похоже на кучу зеренъ, представляющую нѣчто единое, но не цѣлое, ни на зданіе, составляющее нѣчто цѣлое, но не живое: оно подобно организму, въ которомъ каждая

часть имѣетъ свою долю самостоятельности, но всѣ части вмѣстѣ составляютъ одно живое тѣло.

Какъ хорошо, какъ прекрасно жить братьямъ всѣмъ вмѣстѣ! поетъ пророкъ Божій, одушевленный желаніемъ видѣть народъ свой въ состояніи благоустроеннаго общества. Дѣйствительно, нуженъ братскій союзъ между всѣми членами общества, чтобы жизнь общественная или жизнь цѣлаго народа процвѣтала крѣпостію и благоустройствомъ. Корень и первообразъ общества—семейство, и хотя гражданскія отношенія гораздо болѣе сложны и разнообразны, чѣмъ семейныя, но чѣмъ ближе первыя по духу своему подходятъ къ послѣднимъ, тѣмъ лучше для общества; напротивъ, гдѣ граждане не сознаютъ себя членами одной великой семьи, тамъ связь между ними болѣе видимая, чѣмъ дѣйствительная, и никакая внѣшняя сила, никакое законодательное искуство не дадутъ ей истинной прочности и силы.

Братскій союзъ членовъ семейства основывается на двоякомъ родствѣ: кровномъ и нравственномъ. Родство кровное само по себѣ еще не обезпечиваетъ союза семейнаго; для этого необходимо еще родство нравственное или духовное, т. е., живое сознаніе членами семейства того, что они, какъ дѣти однихъ родителей, обязаны жить въ любви и въ мирѣ между собою, повинуясь одной священной власти въ семействѣ и заботясь не только каждый о себѣ, но еще болѣе другъ о другѣ. Такъ должно быть и въ обществѣ гражданскомъ. Въ основѣ его лежитъ, первѣе всего также родство кровное или единоплеменность: народъ есть нарожденіе многихъ отъ однихъ прародителей; но еще важнѣе для общества союзъ членовъ его нравственный, т. е., единство между ними по духу, по люб

ви къ общему ихъ отечеству и верховной въ немъ власти, по сознанію каждымъ своей обязанности заботиться о благѣ общемъ не только не менѣе, но и болѣе, чѣмъ о благѣ собственномъ. Подъ этимъ условіемъ и иноплеменники могутъ прививаться къ обществу единоплеменному, сливаться съ нимъ и составлять живую часть его, подобно тому, какъ и въ семейство могутъ входить лица иного рода и, объединяясь съ нимъ нравственно, дѣлаться истинными его членами.

Изъ этого можно видѣть, какое важное значеніе для гражданскаго общества имѣетъ исповѣданіе гражданами одной истинной вѣры Ничто такъ тѣсно и крѣпко не связываетъ людей между собою, какъ истинная вѣра. Это до такой степени общепонятно и несомнѣнно, что не требуетъ и доказательствъ. И каждый изъ насъ, кто не даромъ носитъ имя православнаго сына нашего отчества, безъ сомнѣнія желалъ бы, чтобы всѣ дѣти единой Россіи были истинными дѣтьми и единой церкви православной, и чтобы всѣ мы во всякое время, а особенно во дни, подобные настоящему, могли предъ однимъ олтаремъ Христовымъ, едиными усты и единымъ сердцемъ творить молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за общаго Царя-отца своего и за отечество.

Но что дѣлать, когда этого нѣтъ?—вотъ вопросъ, на который, можетъ быть, не каждый имѣетъ у себя отвѣтъ вполнѣ ясный и удовлетворительный. Конечно, онъ рѣшенъ для всѣхъ государственнымъ закономъ нашимъ, который, вѣрно слѣдуя духу закона Христова, признаетъ начало вѣротерпимости и указываетъ приложеніе его къ различнымъ отношеніямъ общественной жизни нашей; но чтобы вѣрнѣе слѣдовать закону, мы

должны сколько можно полнѣе выяснять для себя его положенія и требованія.

И такъ что такое вѣротерпимость? на чемъ она основывается? къ чему она насъ обязываетъ? — вотъ предметы, посильнымъ обсужденіемъ которыхъ мы желали бы занять вниманіе ваше, братіе, въ настоящія минуты.

Что такое вѣротерпимость? Извѣстно, что къ различнымъ предметамъ мы относимся различно: одно мы одобряемъ, хвалимъ, уважаемъ, другое для насъ безразлично, то есть не вызываетъ ни расположенія, ни нерасположенія нашего къ себѣ; иное мы прямо порицаемъ и отвергаемъ, какъ порокъ или зло; иное наконецъ мы признаемъ неправильнымъ, болѣе или менѣе ложнымъ, и потому не одобряемъ, но терпимъ въ другихъ, не почитая себя въ правѣ не только преслѣдовать, но и порицать ихъ за это. Послѣднее отношеніе имѣетъ мѣсто по преимуществу и почти исключительно тамъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ иновѣріемъ. Такъ у насъ, рядомъ съ православно-каѳолическою вѣрою, существуютъ другія вѣроисповѣданія, болѣе или менѣе отступающія отъ православія, или даже совсѣмъ нехристіантскія. Исповѣдая сами чистую, апостольскую вѣру, мы не можемъ не признавать заблужденіемъ всякое другое исповѣданіе христіанское, а тѣмъ болѣе не христіанское; но предоставляемъ разновѣрцамъ нашимъ свободу слѣдовать тому, что они почитаютъ истиною, и никого не принуждаемъ силою къ принятію православія, никого не только не преслѣдуемъ, но и не порицаемъ за иновѣріе. Въ этомъ и состоитъ вѣротерпимость.

Итакъ вѣротерпимость, очевидно, противоположна

религіозной нетерпимости, которая обыкновенно гонитъ и преслѣдуетъ всякое разновѣріе, стараясь силою или хитростію подавить его; но съ другой стороны, она совершенно не то, что—безразличие въ вѣрѣ, которое собственно не терпитъ разновѣрія, а только равнодушно къ нему, и оставляетъ его въ покоѣ не въ силу какого нибудь убѣжденія или начала, а напротивъ, по недостатку именно такихъ убѣжденій, которыя могли бы служить началомъ для опредѣленія взаимныхъ отношеній между разновѣрующими. Вѣротерпимость одинаково чужда и ненависти и холодности: она *терпитъ*, слѣдовательно въ ней нѣтъ равнодушія; она *не преслѣдуетъ*, слѣдовательно не заключаетъ въ себѣ никакого враждебнаго чувства. Вѣротерпимость есть свободное и въ высшей степени разумное попущеніе того, что само по себѣ неправильно, но чего нельзя стѣснять и преслѣдовать, не нарушая высшаго права человѣка.

Такъ. Въ основѣ вѣротерпимости лежитъ именно признаніе высшаго права всякого человѣка. Если она, вѣротерпимость истинная, то начало ея не въ какихъ нибудь разсчетахъ пользы, даже не въ побужденіяхъ великодушія и снисхожденія, а главнымъ образомъ въ требованіяхъ правды. Конечно, гражданское общество поступило бы и неразсчетливо и невеликодушно, если бы не терпѣло собственно гражданъ и ихъ разновѣріе: оно лишало бы себя внутренняго мира и возможности прочнаго благоустройства, показывая себя въ то же время неспособнымъ къ дѣйствіямъ, свойственнымъ силѣ, облагороживаемой великодушіемъ; но не на такихъ только соображеніяхъ основывается законъ вѣротерпимости: основаніе его гораздо глубже. Богъ даровалъ человѣку свободную волю, по которой каж-

дый изъ насъ избираетъ для себя то, что ему угодно, и пока личная свобода одного не нарушаетъ свободы другаго, никто не въ правѣ связывать этой свободы. Быть свободнымъ, конечно, не тоже значитъ, что жить и дѣйствовать по произволу; свобода есть сила, способная разумно и сознательно, по собственному желанію и рѣшенію, исполнять волю творческую, которую несвободныя существа исполняютъ безсознательно и по необходимости; произволъ есть злоупотребленіе свободы, уклоняющейся отъ пути, указаннаго ей Богомъ. Но и при этомъ уклоненіи свободное существо сохраняетъ право поступать по волѣ своей, до тѣхъ поръ и на столько, пока и на сколько поступки его имѣютъ отношеніе только въ нему самому, не производя никакого безпорядка въ жизни другихъ свободныхъ существъ. Вотъ почему, не одобряя тѣхъ или другихъ вѣрованій или дѣйствій человѣка, мы однакожъ не въ правѣ принуждать его къ единовѣрію съ нами, не въ правѣ и препятствовать ему жить по своимъ убѣжденіямъ, если онъ не вредитъ чрезъ это благосостоянію другихъ. Насиліе въ подобномъ случаѣ было бы неправдою, потому что оно было бы попраніемъ свободы человѣческой въ самомъ корнѣ ея, то есть, въ совѣсти. Чистая истина евангельская проповѣдуется, а не навязывается; святая вѣра не порабощаетъ, а ищетъ свободной себѣ покорности; православная церковь не допускаетъ у себя рабства, а принимаютъ въ въ нѣдра свои только сыновъ, способныхъ любить ее, какъ мать свою. *Иже хощетъ по Мнѣ ити... аще хощеши совершенъ быти... аще хощети внити въ животъ...*, такъ самъ Господь предлагалъ спасительныя заповѣди свои людямъ, призывая ихъ къ свободному послѣдова-

нію себѣ, и не принуждая принимать свое ученіе. Также точно дѣйствовала и дѣйствуетъ истинно-православная церковь Его. Отсюда и гражданскія общества христіанскія заимствовали законъ вѣротерпимости, который тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ точнѣе и вѣрнѣе выражаетъ въ своихъ положеніяхъ и правилахъ духъ подлинно-христіанской терпимости, то есть, той терпимости, которая, какъ уже сказано, одинаково чужда и равнодушія и вражды.

Послѣ этого не трудно уже понять, къ чему обязываетъ насъ, православныхъ сыновъ церкви и отечества нашего, государственный законъ вѣротерпимости.

Нѣтъ нужды много говорить о томъ, какъ неразумно было бы видѣть въ этомъ законѣ какое нибудь оскорбленіе для господствующей вѣры нашей и для всѣхъ православныхъ сыновъ Россіи. Благодареніе Богу за то, что онъ издревле существуетъ у насъ, составляя лучшее украшеніе законодательства русскаго, и что въ отечествѣ нашемъ никогда ни ополчались противъ иновѣрцевъ за одно иновѣріе ихъ, не возставали противъ нихъ съ огнемъ и мечемъ, не прибѣгали ни къ хитростямъ, ни къ жестокостямъ для невольнаго обращенія ихъ къ вѣрѣ православной, короче, не дѣйствовали во имя благочестія по духу неправды и во имя любви къ Богу по духу врага Божія. Если бы нашелся между нами такой неразумный ревнитель и мнимый поборникъ православія, который желалъ бы наложить руку на свободу разновѣрцевъ нашихъ, чтобы тѣмъ болѣе возвысить и обезпечить наше православіе; то мы должны были бы сказать ему: *не вѣси, коего духа ты еси*: ревнуя по православію, ты измѣняешъ духу православія, и думая дѣйствовать въ качествѣ побор-

ника чистой вѣры, ты перестаешь быть правовѣрующимъ; Христосъ ли научилъ тебя такой ревности, которая не умѣетъ любить не только враговъ, но и заблуждающихъ? нѣтъ, это ученіе не свыше, а отъ земли, отъ плоти и отъ крови, и если что было и есть наиболѣе нехристіанскаго въ самыхъ христіанскихъ обществахъ, то это—нетерпимость въ дѣлахъ вѣры и совѣсти; ты видѣлъ и можешь видѣть примѣры ея у неправославныхъ: хочешь ли подражать неправославію, чтобъ сдѣлаться наиболѣе православнымъ? но это значило бы отступаться отъ духа чистой вѣры для того, чтобы вѣрнѣе ей слѣдовать?.. Впрочемъ едва ли кто изъ насъ нуждается въ подобномъ обличеніи и вразумленіи. На этотъ разъ мы говоримъ болѣе, въ оправданіе истины и обличеніе заблужденія вообще, чѣмъ въ наставленіе кому бы то ни было въ частности. Благодареніе Богу, религіозная нетерпимость — не нашъ порокъ! Но за то мы должны опасаться другаго порока, какъ противоположной первому крайности, т. е. излишней уступчивости, которая нисколько не требуется и никакъ не оправдывается закономъ вѣротерпимости.

Законъ нашъ, признавая православную вѣру господствующею въ нашемъ отечествѣ, тѣмъ самимъ даетъ ей высокое преимущество предъ всякимъ иновѣріемъ. И естественно. Если православіе истинно, а иновѣріе большее или меньшее заблужденіе; то не справедливо было бы относиться къ тому и другому совершенно одинаково. Не стѣснять свободы совѣсти не значитъ предоставлять каждому неправославному во всемъ и совершено одинаковыя права съ правовѣрующимъ; иначе истина не получала бы должнаго ей

уваженія и заблужденіе не признавалось бы собственно заблужденіемъ. Поэтому у насъ православіе пользуется свободою распространенія или присоединенія къ себѣ всѣхъ, желающихъ слѣдовать ему; напротивъ, совращеніе изъ православія въ инославіе строго преслѣдуется закономъ. Дальше, всякое порицаніе ученія, обрядовъ, постановленій православной церкви воспрещается какъ преступленіе. Произвольное отпаденіе отъ православія почитается измѣною церкви и влечетъ за собою наказаніе. Вообще всякое явное неуваженіе къ православію, а тѣмъ болѣе покушеніе вредить ему, подлежитъ суду, какъ преступное злоупотребленіе вѣротерпимости. Что же, послѣ этого, значила бы наша излишняя уступчивость въ отношеніи къ иновѣрію или инославію? Что значило бы, напримѣръ, если бы мы, при общественныхъ и житейскихъ соотношеніяхъ нашихъ съ инославными, старались всячески сглаживать различіе вѣроисповѣданій, или показывать, что ихъ иновѣріе также достойно уваженія, какъ и наша правая вѣра? Что значило бы, если бы усилія неправославныхъ выставить какъ можно выгоднѣе въ глазахъ православнаго народа свое исповѣданіе не возбуждали въ насъ ревности ко своему исповѣданію и не вызывали насъ къ законному ограниченію незаконныхъ притязаній неправославія? Что значило бы, если бы мы свободно попускали проникать въ среду нашу какимъ нибудь вѣрованіямъ и обычаямъ религіознымъ, противнымъ чистотѣ нашей вѣры? Что значило бы, если бы люди иного исповѣданія находили у насъ больше вниманія къ себѣ, чѣмъ добрые единовѣрцы наши, ближайшіе намъ братья по общей матери нашей, церкви православной? Что значило бы, если бы мы охотнѣе скло-

няли слухъ свой къ внушеніямъ проповѣдниковъ чуждаго намъ исповѣданія, чѣмъ къ слову учителей своей церкви? Что значило бы, если бы мы вообще не заботились содѣйствовать всѣмъ, чѣмъ только можемъ, возвышенію и процвѣтанію православной вѣры своей преимущественно предъ всѣми другими исповѣданіями и религіями?—Все это и подобное показывало бы въ насъ не прекрасныя свойства вѣротерпимости христіанской, а не достойное истинныхъ христіанъ чувство равнодушія къ чистой, святой вѣрѣ Христовой, или ту не-евангельскую и не невинную простоту, отъ которой св. апостолъ предостерегалъ нѣкогда своихъ учениковъ, выражая такое опасеніе за нихъ: *боюся, да не како, яко же змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумы ваши отъ простоты, яже о Христѣ* (2 Кор. 11, 3).

Чистая ревность по святой православной вѣрѣ тѣмъ болѣе должна одушевлять насъ, чѣмъ менѣе соблюдаютъ должное отношеніе къ православію терпимыя нами вѣроисповѣданія. Дорогое сокровище ввѣрено намъ провидѣніемъ Божіимъ въ православіи нашемъ, и мы обязаны быть всегда на стражѣ его. Оно—наше богатство, наша сила, наша слава, наша жизнь, не только нравственная, но и гражданская. Понятно послѣ этого, какъ чувствительно для насъ должно быть всякое посягательство на его чистоту и цѣлость. Законъ охраняетъ православіе отъ неправославія и иновѣрія, но законъ можетъ преслѣдовать только явное и открытое злоупотребленіе вѣротерпимостію, а то, что умѣетъ скрываться отъ закона и дѣйствовать враждебно безъ наружной вражды, можетъ быть отражаемо только нравственною силою общества. Между тѣмъ ка-

кая нравственная сила можетъ быть въ обществѣ, если оно подвержено недугу равнодушія къ святой вѣрѣ своей, или само не вѣдаетъ, какъ должно, всего превосходства вѣры своей предъ другими вѣрованіями?

Къ крайнему прискорбію, эти недостатки не совсѣмъ чужды намъ, братіе. Духъ религіозной терпимости, этотъ чисто-христіанскій духъ православія, это высокое, благодатное свойство истинныхъ сыновъ православія, переходитъ у насъ въ религіозное равнодушіе. Отъ чего?—Едва ли не отъ того главнымъ образомъ, что воспитаніе наше иногда не только не роднитъ насъ съ истинами и духомъ православія, но и пріучаетъ относиться къ нему, какъ къ чему то, по меньшей вѣрѣ, второстепенному, нужному не для жизни, а для удовлетворенія внѣшнимъ требованіямъ закона и приличій. Отсюда, съ одной стороны, невѣдѣніе самаго существеннаго ученія истинной церкви Христовой, съ другой—холодность, безучастіе, а иногда, какъ ни больно говорить это, даже пренебреженіе ко всѣму православно-церковному. Иначе какъ объяснить тѣ, хоть рѣдкія, слава Богу, но тѣмъ не менѣе въ высшей степени печальныя явленія, что люди образованные отрекаются отъ православія для инославія? Кто рожденъ въ православіи и хорошо знаетъ его ученіе и его существенныя, и отличительныя свойства, тотъ, пока вѣруетъ, можетъ быть только православно-вѣрующимъ: онъ можетъ утратить вѣру вообще, но сдѣлаться неправославнымъ не можетъ, потому что превосходство православной вѣры предъ другими исповѣданіями вѣры ясно и для невѣрующаго, если онъ хорошо знаетъ ученіе и духъ какъ православія, какъ и неправославныхъ исповѣданій. Только невѣдѣніе своей вѣры и

церкви способно дѣлать насъ жертвами соблазна, на который такъ искусны бываютъ нѣкоторыя противники св. церкви нашей.

Держи, еже имаши, да никтоже пріиметъ вѣнца твоего (Апокал, 3, 11), говорилъ нѣкогда Господь къ одной изъ вѣрныхъ церквей своихъ. Не слышимъ ли мы, сыны православной России, того же божественнаго голоса въ прежнихъ событіяхъ нашей исторіи и въ обстоятельствахъ временъ настоящихъ? Изъ всего, что завѣщали намъ предки наши, важнѣйшее и драгоцѣннѣйшее для насъ—вѣра православная. Пусть же это достояніе будетъ всегда первымъ предметомъ нашего вниманія и усердія; пусть наши дѣти учатся прежде всего любить святое православіе свое въ его ученіи и его священныхъ обрядахъ и постановленіяхъ, такъ много и благотворно содѣйствующихъ истинному образованію души и сердца; пусть всякій навѣтъ православной церкви и отечеству нашему, скрывается ли онъ за ложнымъ мудрованіемъ о безусловней свободѣ, въ дѣлѣ вѣры, или за гордымъ порицаніемъ въ насъ мнимаго нравственнаго застоя, или за наглымъ обвиненіемъ насъ въ нетерпимости религіозной, находитъ въ твердой, сознательной и искренней преданности нашей святому православію своему такой оплотъ, котораго никогда не сокрушитъ, но о который будетъ сокрушаться самъ, когда бы и откуда бы ни пририжался къ нему.

Сохрани насъ Богъ отъ ненависти, зложелательства и вражды къ разновѣрцамъ нашимъ; но мы должны знать духъ и стремленія иновѣрія, чтобы тѣмъ вѣрнѣе сохранять въ себѣ духъ правой вѣры, мы дол-

О ЦЕРКОВНОМЪ ПѢНІИ [1])

Излишне доказывать и говорить, какъ сильно дѣйствуетъ пѣніе на душу молящагося человѣка;—нѣтъ тоже надобности говорить о простотѣ и красотѣ нашего церковнаго пѣнія. Оно такъ величественно и торжественно, такъ приспособлено къ благоговѣйному настроенію души молящагося, что невольно скажешь, согласно съ отзывами нѣкоторыхъ любителей древне-церковнаго пѣнія, что у насъ не осталось композиторовъ, не только произвесть что нибудь подобное, но даже возстановить сколько нибудь старое. Нѣкоторыя попытки въ этомъ родѣ не болѣе, какъ не удавшаяся компиляція, совершенно обезобразившая истинный, настоящій характеръ пѣнія.

Къ сожалѣнію, древне-церковный напѣвъ, можно сказать, съ каждымъ годомъ теряетъ свой характеръ, свою невыразимую прелесть. Грустно,—тяжело станетъ на душѣ, когда послушаешь въ какой нибудь сельской церкви пѣніе. Выходитъ что-то такое странное,—смѣсь партеснаго съ своимъ собственнымъ и съ напѣвомъ по наслышкѣ. По крайней мѣрѣ хоть бы это было твердо, ясно, отчетливо,—а то выходитъ какое то *мычаніе* на разные голоса. А не задолго предъ нашимъ временемъ было по сельскимъ приходамъ не такъ. Теперь еще можно встрѣтить старыхъ причетниковъ и діаконовъ, ко-

[1]) Ворон. Еп. В. № 2-й.

торые, не смотря на свои 60, 70 лѣтъ, твердымъ и звучнымъ голосомъ такъ поютъ и читаютъ, что можно заслушаться. Отъ чего же пошелъ такой регрессъ въ нашемъ пѣніи? Какія могли быть тому причины? Первое, что къ такому пѣнію привело,—это апатія—невнимательность къ церковному пѣнію, крайнее негliжерство въ исполненіи нашими пѣвцами. Поступаетъ, напр., въ село новый причетникъ, обладающій порядочнымъ и развитымъ голосомъ; но, чудное дѣло, въ церкви онъ не умѣетъ порядочно и складно пропѣть, не умѣетъ хорошо различить гласовъ: «на Господи воззвахъ, Богъ Господь, славы, каноновъ». Вопросъ, чѣмъ же онъ прежде занимался? Готовился ли онъ къ своей обязанности? Нѣтъ. *Уже съ 3-го класса онъ начинаетъ упражняться* пѣть нѣжные дуэты, чувствительнные романсы; гитара становится необходимою его принадлежностію; какъ образованному пѣвцу, ему нельзя не пародировать пѣніе какого нибудь старого дьячка, конечно получая аплодисменты отъ своихъ товарищей; онъ продолжаетъ развиваться въ этомъ родѣ далѣе и далѣе, а о своемъ призваніи,—чѣмъ онъ будетъ, онъ пока не думаетъ. Но вотъ онъ на мѣстѣ—дьячкомъ, и тогда то, бѣдняжка, старается онъ припомнить пародію и, сглаживая угловатости въ нихъ, составляетъ кое-какъ свои напѣвы, на смѣхъ людямъ и къ своему собственному стыду. Хорошо, если въ церкви есть за кѣмъ пѣть: онъ можетъ еще кое какъ выбиться, но если онъ одинъ на приходѣ, и у него нѣтъ подъ рукою порядочного учителя, то онъ навсегда останется невѣждою. Со временемъ къ такому самоучкѣ поступаетъ другой такой же товарищъ; выработанное первымъ усвояетъ себѣ, и греческіе пѣвцы распѣваютъ на славу. Сколько такимъ образомъ уничтожилось напѣвовъ истинно

умилительныхъ! Все у нихъ идетъ на гласъ, а гласы, въ свою очередь, на разголосицу. Рѣдко уже можно найти причетника, который бы пропѣлъ по старому, напримѣръ, «къ Богородицѣ прилежно», или «Призри на моленіе», канонъ на Богоявленіе, канонъ на воздвиженіе; особливо послѣдній подвергся страннымъ измѣненіямъ; Херувимскія «Сковороды», Единородный съ лѣсницами, Херувимское на «пріидите» и проч., составленныя чисто въ русскомъ національномъ духѣ, и какъ нельзя лучше соотвѣтствующія торжественности праздника или унылымъ, покаяннымъ днямъ поста,—все это, кажется, изчезло. Но это, впрочемъ, все старина, и можетъ казаться хорошимъ только для записныхъ антикваріевъ пѣнія. Но жаль—пѣніе гласовое и напѣвы въ особенности постовые. Нельзя быть равнодушнымъ, когда слышишь, что на повечеріи первой недѣли поста канонъ «Помощникъ и покровитель» поютъ на какой то загадочный 6-й гласъ, не зная особеннаго напѣва. Съ трудомъ пропоютъ «Господи силъ съ нами буди», и «Господи аще не быхомъ»; а все остальное читается. На преждеосвященной Литургіи «нынѣ силы небесныя» или поется на 6-й гласъ или буквально тянутъ по обиходу какъ будто въ классѣ. Но хоть бы хорошо знали гласы, а то за все отвѣчаютъ на Господи воззвахъ 6-й, на Богъ Господь 4-й, о «Славахъ» нѣтъ понятія, Прокимны всѣ на 4-й, каноны на 8-й и 4-й гласы.

У насъ, въ руководство есть нотные октоихи, но изъ нихъ мало что можно выбрать. Кіевскій распѣвъ нѣсколько походитъ на обыкновенный, но пѣть по распѣвамъ знаменнымъ или Болгарскимъ нельзя причетнику незнакомому и съ простымъ напѣвомъ, или мало знакомому съ нотнымъ пѣніемъ простымъ;—всѣ эти на-

пѣвы будутъ дики и непонятны для слушателей. Бѣда, если къ священнику съ однимъ причетникомъ попадаетъ человѣкъ незнающій. Тутъ нужно служить въ олтарѣ, а на клиросѣ дьячекъ поетъ что попадется подъ руку, не разбирая, то ли онъ что слѣдуетъ поетъ Особенно это трудно постомъ, когда служба не похожа нѣсколько на обыкновенную. Въ мою память, одинъ священникъ замѣтилъ дьячку малограмотному, что онъ не то читаетъ; тотъ прехладнокровно отвѣчаетъ: «что же, когда нибудь и это нужно читать». Благоразумно дѣлаютъ тѣ священники, которые до начала службы въ последовательномъ порядкѣ разскажутъ такому причетнику, какъ и что отправлять. Оно такъ и нужно бы. Менѣе соблазна, менѣе горячности. Но вѣдь священнику и безъ того много дѣла, чтобы заниматься обученіемъ полуграмотныхъ дьячковъ.

Что же теперь дѣлать, чѣмъ помочь этому? Неужели наше пѣніе все болѣе и болѣе стало приходить въ упадокъ, и наконецъ, по неспособности причетниковъ, замѣнится органомъ? Избави Богъ! Нужно, непремѣнно нужно очистить церковное пѣніе отъ разныхъ прибавленій, и поселить любовь къ церковному пѣнію. Требуется серьозное приготовленіе,—такое приготовленіе, чтобы воспитанникъ съ поступленіемъ на мѣсто, твердо, какъ свои пять пальцевъ, зналъ пѣніе и порядокъ церковной службы; и этого не трудно достигнуть. Не вдаваясь въ разныя предположенія, не изыскивая многихъ методовъ, по которымъ бы будущіе причетники приготовлялись къ своему служенію, я разскажу читателямъ моихъ замѣтокъ, какъ насъ въ свое время готовилъ одинъ, достойный уваженія въ этомъ дѣлѣ, наставникъ. Не худо бы и теперь воспользоваться этимъ

методомъ. О достоинствѣ его судить не мнѣ, по крайней мѣрѣ мы видимъ плоды своего приготовленія. На первый разъ, при поступленіи въ училище, все наше ученіе ограничивалось изученіемъ: утъ, ре, ми, фа, соль, и пѣніемъ по солямъ и текстамъ; но съ 4-го класса, подъ руководствомъ другаго наставника, начался новый порядокъ нашего ученія, невиданный нами и неслыханный. Учитель прежде всего позаботился избрать способныхъ мальчиковъ съ лучшими голосами и образовать для церкви лѣвый хоръ. Партеснаго пѣнія не предполагалось никакого: пѣніе было *гласовое, но только въ лучшемъ и исправнѣйшемъ видѣ,* чѣмъ пѣли дьячки. Когда уже довольно окрѣпъ хоръ, и усвоилось пѣніе, онъ приступилъ къ болѣе обширной разработкѣ своей задушевной мысли. Тотчасъ обиходы были уничтожены; на ихъ долю остался одинъ только часъ въ недѣлю. Монастырь надѣлилъ классъ богослужебными книгами. Явился журналъ, гдѣ еще за день назначались воспитанники, обязанные въ классѣ исполнять то, что въ церкви читаютъ и поютъ діаконъ, причетники, чтецы кафизмъ, шестопсалмія, канона, перваго часа. Въ два часа пополудни, съ приходомъ въ классъ учителя, начиналось въ послѣдовательномъ порядкѣ отправленіе всенощнаго бдѣнія. Исправляющій должность учителя священникъ возглашалъ: «Возстаните, Господи, благослови! Слава Святѣй и Единосущнѣй»;—послѣ сего всѣмъ классомъ начиналось пѣніе: «Пріидите поклонимся; Благослови душе моя Господа», *но не обиходное, а обыкновенное,* употребительное приградской или монастырской церкви. Затѣмъ слѣдовало все въ порядкѣ съ соблюденіемъ самаго стараго устава. Чтецы выходили на средину; чтеніе требовалось внятное, раз-

дѣльное и правильное. Въ продолженіе $2^1/_2$ или трехъ часовъ кончалось бдѣніе,—и это было для всѣхъ насъ неутомительно. Несмотря на все отвращеніе мальчиковъ къ чему бы то ни было новому, у насъ не было ни одного недовольнаго; а напротивъ впослѣдствіи просили мы наставника, чтобы онъ выпрашивалъ классы и у другихъ преподавателей для этаго занятія. Такимъ образомъ мы переняли всѣ видоизмѣненія церковныхъ службъ. Отправляли службы, если святому случится, на 6, или на 8; знали службу простую,—повседневную и съ полiелеемъ. Здѣсь же незамѣтно привыкли мы къ напѣвамъ гласовъ на Господи воззвахъ, Богъ Господь, прокимновъ и каноновъ. Отправляли службу постовую: утреню, часы, повечерія, и если оставалось время, присовокупляли какой нибудь молебенъ Кромѣ этого, вмѣнено было въ непремѣнную обязанность, по назначенію, читать и въ церкви. Наставникъ самъ всегда выслушивалъ чтеніе, и по окончаніи тотъ же часъ замѣчалъ неправильности въ произношеніи, голосѣ, или вовсе неумѣнье читать по славянски; на такихъ, что называется, налегалъ, и до тѣхъ поръ не выпускалъ изъ виду, пока не получалъ удовлетворительныхъ результатовъ. Во времена нашего практическаго занятія наставникъ часто останавливалъ служеніе, объяснялъ или таинственное значеніе какого нибудь дѣйствія, или разсказывалъ исторію извѣстнаго пѣснопѣнія, происхожденіе той, или другой службы, разсказывалъ краткія біографіи святыхъ, мучениковъ, святителей, преподобныхъ, апостоловъ, мужей, особенно прославившихся и наиболѣе чтимыхъ церковію. Заставлялъ заучивать на память тропари и кондаки Господскихъ и Богородичныхъ праздниковъ, тропари общіе святымъ, воскресные гласовые, разныя величанія и проч.

И за это время мы такъ обогатились свѣдѣніями въ отправленіи церковно-богослужебннаго порядка и въ пѣніи, что, будучи мальчиками въ 14—15 лѣтъ, соперничали и превосходили опытныхъ, или, что называется, натертыхъ дьячковъ [1]).

Вотъ подъ какимъ методомъ развивались наши познанія въ церковной практикѣ, и теперь въ трудныхъ обстоятельствахъ не разъ вспомнишь своего учителя по сему предмету,—безкорыстнаго и честнаго труженика. Онъ не успѣлъ развить вполнѣ свою мысль, но дорого то, что онъ далъ намъ толчокъ, показалъ дорогу,—и за это ему большое спасибо. Этотъ методъ разработанный, усовершенствованный, и теперь несомнѣнно принесъ бы пользу. Можетъ, быть года чрезъ 3—4 мы дождались бы причетниковъ, понимающихъ свое дѣло вполнѣ, и избавились бы нареканій и насмѣшекъ по церковному пѣнію [2]).

Св. I. К—нъ.

---

[1]) Въ вяземскомъ духовномъ училищѣ, Смол. епархіи, изученіе церковнаго устава и нотнаго пѣнія велось точно такимъ порядкомъ въ 1853—59 гг. и по своимъ послѣдствіямъ было, дѣйствительно, весьма благотворно.

[2]) Желательно было бы, чтобы училищныя начальства и учители нотн. пѣнія и церковнаго устава обратили на эту статью серьезное вниманіе!

Русскія православныя миссіи и заграничныя церкви.

Заграничныя русскія православныя церкви, содержимыя на счетъ правительства, находятся 1) при посольствахъ: въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Парижѣ; 2) при миссіяхъ: въ Аѳинахъ, Берлинѣ, Женевѣ, Константинополѣ, Копенгагенѣ, Мадритѣ, Римѣ, Стокгольмѣ, Неаполѣ, Амстердамѣ и Тегеранѣ (въ Персіи—номинально); при дворахъ Высочайшихъ Особъ Императорской Фамиліи: въ Гагѣ, (въ королевствѣ Нидерланскомъ), въ Стутгардтѣ (въ королевствѣ Виртембергскомъ), въ Карслуэ (при дворѣ в. кн. Маріи Максимиліановны; 4) надъ гробомъ государыни в. кн. Маріи Павловны въ Веймарѣ, надъ гробомъ в. кн. Елисаветы Михайловны—въ Висбаденѣ, надъ гробомъ г. вел. кн. Александры Павловны—въ Иромѣ; 5) при консульствахъ: въ Хакодатѣ и Чугучакѣ. 6) церкви собственно при миссіяхъ. въ Іерусалимѣ (о миссіи іерусалимской мы надѣемся поговорить въ особой замѣткѣ) и въ Пекинѣ [1]). Церкви, содержимыя на счетъ частныхъ лицъ и обществъ русскихъ, находятся въ Дрезденѣ, Брюсселѣ, Ниццѣ, въ Карлсбадѣ и Веве (въ Швейцаріи). Относительно шта-

---

[1]) Недавно была наша церковь въ Америкѣ, въ крѣпости Сант.-Франциско, но съ уступкою этой крѣпости американцамъ перестала тамъ существовать и церковь, хотя до настоящаго времени естъ тамъ православные.

товъ этихъ церквей нужно замѣтить, что архимандриты находятся въ Римѣ, Пекинѣ и Іерусалимѣ, протоіереи въ Вѣнѣ, Лондонѣ и Парижѣ, діаконы въ Вѣнѣ, Парижѣ, Аѳинахъ, Константинополѣ, Римѣ, Стутгардтѣ, Веймарѣ: въ остальныхъ церквахъ находятся при священникахъ причетники, или псаломщики, или уставщики. Пѣвчіе находятся въ Вѣнѣ, Парижѣ, Аѳинахъ, Гагѣ, Стутгардтѣ и въ Иромѣ. Есть еще церковь устроенная греками въ Амстердамѣ; но причтъ (священникъ съ причетникомъ) русскій и содержится на счотъ государственнаго казначейства.

Въ іерархическомъ управленіи причты заграничныхъ церквей состоятъ въ вѣдѣніи св. Сѵнода и с.-петербургскаго епархіальнаго начальства; во всѣхъ же прочихъ отношеніяхъ зависятъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Содержаніе всѣхъ причтовъ вообще прилично обезпечено. Служба священниковъ въ церквахъ, содержимыхъ правительствомъ, считается коронною и имѣющею право, по двадцати-пятилѣтней выслугѣ за границею, на пенсію. Священники, при поступленіи на мѣсто, всѣ (при церквахъ правительственныхъ) получаютъ золотой наперстный крестъ изъ кабинета Его Императорскаго Величества.

Священниками, даже и причетниками, при заграничныхъ церквахъ состоятъ лучшіе изъ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній. Служба причетниковъ считается на равнѣ съ службою наставниковъ семинаріи и обезпечивается какъ богатымъ содержаніемъ, такъ и пенсіономъ по двадцати-пятилѣтней выслугѣ. Впрочемъ служба причетническая для лицъ, получившихъ образованіе въ академіяхъ, бываетъ, большею частію, переходною, временною, ведущею къ занятію священническихъ праздныхъ мѣстъ при заграничныхъ же церквахъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ субботу, 25-го февраля, въ Казанской церкви кіево-флоровскаго монастыря происходило, послѣ заупокойной литургіи, отпѣваніе въ Бозѣ почившаго тайнаго совѣтника **Алексія Кирилловича Ключарева**. Выносъ тѣла усопшаго изъ дому совершенъ наканунѣ преосвященнымъ епископомъ Александромъ съ почтеннѣйшимъ духовенствомъ г. Кіева, въ присутствіи главнаго начальника края, г. начальника губерніи и другихъ высшихъ особъ. Заупокойную литургію и отпѣваніе совершилъ высокопреосвященнѣйшій Арсеній, митрополитъ кіевскій и галицкій, съ двумя архимандритами и 6-ю протоіереями; въ отпѣваніи принялъ участіе и преосв. епископъ Александръ, проводившій потомъ гробъ усопшаго до мѣста погребенія на монастырскую гору, близъ Троицкой кладбищной церкви, по правую ея сторону. При окончаніи чина погребенія о. протоіерей Назарій Ѳаворовъ почтилъ память усопшаго о Господѣ назидательнымъ своимъ словомъ.

Покойный А. К. Ключаревъ былъ воспитанникъ с.-петербургской духовной академіи 2-го курса; окончивши въ ней курсъ со степенью магистра богословія, онъ, послѣ духовно-училищной службы, состоялъ на службѣ въ С.-Петербургѣ по гражданскому вѣдомству, былъ

чиновникомъ особыхъ порученій при новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ М. С Воронцовѣ, предсѣдателемъ казенныхъ палатъ: подольской, волынской и кіевской, и наконецъ бодѣе 10-ти лѣтъ директоромъ департамента государственнаго казначейства. Остальные 4 года, по выходѣ въ отставку за ослабленіемъ физическихъ силъ, провелъ въ Кіевѣ и здѣсь скончался въ 3-й день 71 года своей жизни, двукратно во время болѣзни причастившись св. таинъ. Покойный Алексій Кирилловичъ во всѣхъ мѣстахъ своего служенія извѣстенъ всѣмъ и каждому своею энергическою, твердою и неутомимою дѣятельностію, которой необходимо требовалъ и отъ своихъ подчиненныхъ. Такъ вѣрой и правдой онъ прослужилъ полвѣка Богу и Государю, всегда оставаясь вѣрнымъ и преданнымъ сыномъ церкви православной.—Миръ праху твоему, истинный труженикъ!

ИЗВѢСТІЯ.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ:

Изящно-иллюстрированное изданіе слѣпца Григорія Ширяева.

Проповѣдническіе подвиги апостоловъ славянъ святыхъ Кирилла и Меѳодія, и вліяніе ихъ подвиговъ на народное образованіе, какъ всего славянскаго міра вообще, такъ и Россіи въ частности.

Соч. А. С. КНЯЗЕВА.

18 изображеній, напечатанныя съ тономъ, рисованныя профессоромъ Ѳ. Бронниковымъ, а 22 виньетки въ текстѣ, рисованныя И. Пановымъ, гравированы академикомъ Л. Сѣряковымъ, нынѣ граверомъ Его Императорскаго Величества.

Цѣна 3 руб. сер.

Замѣчательное это во всѣхъ отношеніяхъ изданіе, на веленевой глансированной бумагѣ и безъ переноса словъ, впервые въ Россіи отпечатанное, продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы и въ главныхъ складахъ. Въ С.-Петербургѣ въ типографіи А. И. Трашнеля, па углу невскаго и владимірскаго проспектовъ, домъ № 45—1. Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Н. Ферапонтова, на никольской ул. и въ книжной лавкѣ «Русская Грамота» въ университетскомъ зданіи. Въ Одессѣ, въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бѣлова.

Печ. доз. 28 февраля. Кіевъ, 1867 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

(Аренд. С. Кульженко и В. Давиденко).